

ЭПОХА МЕРТВЫХ

ГАЛИНА ГРОМОВА
БУХТА НАДЕЖДЫ.
ЗАДАЧА - ВЫЖИТЬ

Роман

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г87

Художник
С. Бабкина

Громова Г.

Г87 Бухта надежды. Задача — выжить: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 312 с.: ил. — (Эпоха мертвых. Мир Андрея Круза).

ISBN 978-5-9922-1712-4

В белокаменный город, переживший две героические обороны, пришла Беда, охватившая в одночасье весь мир и ставшая причиной гибели нашей цивилизации в том виде, в котором мы ее знали. Ожившие мертвецы, беспрерывно жаждая плоти, бродят по улицам города, сея разруху и смерть и приводя в ужас тех, кто остался в живых.

Три героя, три судьбы и три выбранных дороги. Для каждого из них все началось по-своему, и каждому из них наступившая эпоха принесет свое. Ведь новая эпоха — это эпоха мертвых.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1712-4

© Галина Громова, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

21 МАРТА

7.40. Железнодорожный вокзал

Марья Петровна

Электричка на удивление пришла вовремя. Не то чтобы она всегда опаздывала, но для русского человека приход или отправление любого вида транспорта в заявленное администрацией или расписанием время уже как мини-праздник.

Несколько пассажиров, ожидающих посадки на Симферополь, лениво проводили ее взглядами и вернулись к своим делам: кто-то спорил, кто-то просто стоял и курил, а некоторые и вовсе спали, развалившись на лавках. Торопиться было некуда — пока народ лениво выползет из электропоезда, пока то-се... да и по расписанию отправление только через полчаса.

Машинист электропоезда постепенно снижал скорость состава, а вскоре совсем остановил его. Двери прибывшей электрички открылись, но почему-то никто не спешил выходить. Подметающая перрон бабуля-дворничиха в теплой тулупе и надетом поверх нее едко-оранжевом жилете остановилась и с интересом заглянула в открытые двери.

— И чего там торчать-то? — проворчала она, заметив сквозь не шибко чистое окно несколько стоящих людей в вагоне. — Иль особое приглашение надо?

Марья Петровна была старушкой деятельной, иногда даже чересчур. В молодости, будучи коммунисткой-активисткой, всегда принимала непосредственное участие в судьбе трудового коллектива Севастопольского морского завода. Ее выдвинули, так сказать, на общественных началах, а потом

никак не могли задвинуть, пока завод окончательно не развалился в «лихие девяностые».

Поэтому, заметив беспорядок, Марья Петровна, ни секунды не задумываясь, отложила метлу и, кряхтя, забралась в вагон, чтобы придать ускорения зазевавшимся пассажирам, как частенько поступала с заснувшими на вокзальных лавочках бомжами, умело орудуя метлой. На полу в тамбуре виднелись бурые разводы, которые послужили лишним поводом для бурчания пожилой дворничихи, чье настроение и так оставляло желать лучшего.

— Вечно так... все позагадят, а ты убирай. — Бабулька возмущенно засопела и открыла двери в вагон. — Эй, вы! Конечная! На выход!

Пассажиры отреагировали вяло. Ближайший стоящий возле горы сумок длинноволосый, как девка, парень в дражных джинсах медленно повернул голову, и у Марьи Петровны душа ушла в пятки от жуткого зрелища...

Последнее, что она увидела, — это ощеренный рот, перепачканный запекшейся кровью.

8.00. Мыс Херсонес

***Андрей Доронин, бывший капитан,
пограничник ВС Украины, ныне сотрудник
агентства безопасности «Сапсан»***

Андрея разбудил знакомый сигнал входящего сообщения аськи. Вчера он засиделся за компьютером — новомодная стрелялка затянула так, что спать удалось лечь только около трех часов ночи. А сам компьютер отключать не стал — скачивал фильм с сервера, чтобы потом в свой законный выходной под пиво с рыбкой или вредными для желудка чипсами посмотреть в гордом одиночестве — с подружкой он недавно расстался по обоюдному согласию. Так что все прошло на удивление тихо и без скандалов, хотя иногда не хватало теплого тела под боком.

Хоть сегодня и был его законный выходной, Андрей не стал валяться в кровати. Мужчина привычно потянулся и, как обычно, почесывая причинное место, первым делом пошлепал голыми ногами в туалет. После исполнения священного ритуала зашел уже на кухню, тут же цапнул со стола пач-

ку сигарет, зажег конфорку и прикурил одну сигарету, ожидая наполнения чайника. Пепельницы не было, но ее заменила пустая консервная банка от съеденных вчера бычков в томате. В воздухе за клубился сигаретный дым.

Огонь весело запылал под металлическим днищем чайника. Пока вода закипала, мужчина сделал себе несколько бутербродов с колбасой и засыпал заварку в чашку. Он не признавал чая в пакетиках, отождествляя его вкусовые качества с соломой а-ля «матрац моей бабушки». Да и сам чай мужчина любил крепкий, душистый, желательнее с мятой... но если ее не оказывалось в запасах, то и лимончик с сахарком годился.

Жил Андрей на окраине города — дальше были только море и Турция. Двушку в переделанной под жилой дом казарме получил отец, тогда еще полковник Военно-морских сил Украины. Но буквально через год он вместе со второй женой (мать Андрея умерла, когда ему было пятнадцать лет) попал в аварию и скончался. Тогда погибло семь человек — фура выскочила на встречную полосу и врезалась в микроавтобус, а тот в свою очередь, отлетев, как игрушечная машинка, протаранил «копейку» отца.

Вот и этот дом, где отец получил квартиру, находился на самой западной точке Севастополя — мысе Херсонес. Именно туда в сорок втором году отходили остатки Красной армии и защитники города в надежде сесть на корабль, идущий на Большую землю. И именно там они погибали, принимая последний, неравный бой с фашистами, буквально вгрызаясь в глинисто-каменистую почву мыса. Историческое место...

А теперь здесь располагались четыре войсковые части — две украинские и две российские, не считая части морской пехоты РФ в Казачьей бухте — в двух километрах ниже по дороге. Хотя от украинских частей фактически осталось только название.

Помимо бетонных заборов с колючкой и казармами за ними здесь был еще один магазинчик с гордым библейским названием «Ковчег», вмещающий в себя весь ассортимент продуктов, необходимых, чтобы не помереть с голоду. Он, как и его прототип после Потопа, был единственным признаком цивилизации. Да на этом и все, пожалуй...

Чтобы уехать отсюда в сторону мало-мальски обжитой части города, нужно было двадцать минут протопать ножками до поворота на Казачку¹, где можно было не всегда успешно сесть на маршрутку или автобус — по утрам народа в транспорте было как в душегубке. В обратном направлении так же — только шагать приходилось в горку. Именно поэтому, пока был жив отец, Андрей предпочитал снимать квартиру в городе, да и с мачехой у них не очень-то заладилась, хотя теперь мужчина понимал, что в принципе она была неплохой спутницей для отца, с его-то специфическим характером, помноженным на армейское прошлое. Но, как говорится, если бы у бабушки был хрен — была б она дедушкой. А после похорон переезд все же состоялся, о чем Доронин ни разу не пожалел. К тому же где-то с полгода назад он приобрел себе подержанный «Ниссан Патфайндер» девяносто седьмого года выпуска темно-болотного цвета с вместительным багажником и полным приводом. Жрал он, конечно, как волкодав, но оно того стоило.

Здесь был совсем другой воздух, чем в городе, — чистый, наполненный морскими брызгами, запахом хвои и можжевельника, росшего вдоль небольшой бухточки, клином входящей в землю мыса. На картах она значилась как «Соленая». Ни шума машин, ни гопоты, ни пьяных разборок, ни «писарей» под окнами по ночам — разве что только ровно в двадцать один ноль-ноль солдаты из части напротив, где располагалась техника морской пехоты, на вечерней прогулке горланили песни, но это никоим образом не мешало Андрею, привыкшему к армейским будням. Иногда он ловил себя на том, что прислушивается к репертуару вояк что украинской, что российской частей — и сравнивает.

Сообщение было от Костика — сослуживца Андрея. Когда-то они служили вместе в пограничных войсках и после увольнения капитана периодически переписывались и встречались за рюмочкой чая.

«Глянь ссылку» — гласило сообщение возле ссылки на Ютуб.

---

¹ Казачка — бывший военный городок, построенный возле военной части Морской пехоты РФ и в дальнейшем разросшийся до небольшого микрорайона на берегу Казачьей бухты г. Севастополя. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Андрей кликнул мышкой и отлучился на кухню залить заварку кипятком. Пока чай заваривался, видео закэшировалось, и мужчина смог просмотреть его. На видео было мало чего понятного — изображение постоянно дергалось, да и качество хромало на обе ноги, к тому же отсутствовал звук. Видео запечатлело, как проезжающее авто сбило пешехода, нелепо ковлявшего прямо посреди улицы. «Бухой, что ли? — недоуменно подумал Андрей и мысленно обматерил Костика. — Тоже мне, блин, попали пальцы в пилораму, чтобы из-за этой хрени меня будить. Мало ему начальника части, так он еще и чернухой балуется».

Пролетев через лобовое стекло, человек тряпичной куклой упал на тротуар. Андрей поморщился и хотел было выключить видео, но его внимание привлек тот факт, что пострадавший начал подниматься. Хоть и неуклюже, качаясь, но вставать. При этом мужчина припадал на одну ногу.

— Ха! Подфартило чуваку! Что тут скажешь. Так шанда-рахнуться и еще после этого встать на ноги. Недаром говорят, что везет дуракам и пьяницам. А уж такого добра у нас на сто лет вперед припасено.

Камера максимально увеличила картинку, сфокусировав изображение на поднявшемся мужчине. И все бы ничего, но у дядьки был явно выраженный перелом голени — уж торчащая-то кость не ускользнула от внимания Андрея, — однако мужик шел как ни в чем не бывало, «с поправкой на ветер», конечно, в том смысле, что хромал нещадно.

— Что за хрень? — мотнул он головой, обжегшись при этом горячим чаем. Андрей нажал на паузу, подул на то место, куда ляпнул горячий напиток, и постарался получше рассмотреть сбитого мужчину, но из-за ужасного качества изображения это было очень трудно сделать.

Аська снова кукукнула входящим сообщением. Костик. Интересовался впечатлениями от увиденного.

Kastet : Ну как тебе?

Roор: Что за бред?

Kastet: Кореш из Нерезиновой прислал.

Roор: Слушь, у меня глюки или у мужика кусок кости из ноги торчит, а ему хоть бы хны?

Kastet: А фиг его знает, качество поганое.

Roор: А ты чего не на службе?

К слову сказать, Костик продолжал служить, несмотря на орден «Сутулого с закруткой на спине» и два ордена «Хрена лысого», а по-научному «сувору подяку»¹ и две «доганы»² в карточке взысканий и поощрений. Просто командир части не мог себе позволить разбрасываться такими кадрами, так как в связи с «щедрыми» зарплатами, которые позволяли прожить аж целую неделю, народ массово увольнялся, пытаясь найти счастье на гражданке. А прапорщик Матвеев был тот еще кадр, прекрасно знавший свою незаменимость и беззастенчиво пользовавшийся этим обстоятельством. Ну а зачем быть скромным гением?

Kastet: Чего это? Я на службе.

Roor: А аська откуда?

Kastet: Да вот, родное начальство расщедрилось. Теперь мы тоже модные перцы. С Интернетом. Офицеры последнюю неделю ходят один другого довольнее — Ал Алыча не видно и не слышно. Осваивает...

Александр Александрович, он же Ал Алыч, — начальник отдела пограничной службы, где раньше служил Андрей, был дядька суровый, упрямый и вспыльчивый. К тому же обладал такими качествами, как вредность и въедливость, — его окружение просто вешалось и молилось, чтобы родное Министерство обороны перевело начальника куда подальше. Но, к глубокому огорчению личного состава, министерство не торопилось — то ли мест не было, то ли кандидатов с такими характеристиками — завались.

Собственно, из-за непримиримости взглядов Андрею и пришлось уволиться из Вооруженных сил, хотя мог перевестись и в другой отдел или подразделение. Но вся эта военщина так засела у него в печенках, что он предпочел устраивать свое будущее на гражданке.

Kastet: Я убег, Ал Алыч вызывает — видать, опять комплючит или эксплорер тормозит, или, не дай Касперский,

---

¹ Сувору подяка — строгая благодарность (укр.), строгий выговор (жаргонизм).

² Догана — выговор (укр.).

вирусно подцепил. Я с ним себя как венеролог чувствую — тот тоже разгребает чужие вирусы. Про пятницу не забудь!

Костик отключился, а Андрей мысленно пожелал ему успехов и терпения.

Чай уже немного остыл, а желудок дал понять, что, мол, «хозяин, жрать пора».

Утренний ритуал был выдержан от и до — чашка чая, бутеры и новости на СевИнфо — городском форуме, где была зарегистрирована добрая часть населения Севастополя. На этом ресурсе обсуждали сплетни, ругали власть, делились новостями, спрашивали совета, покупали и продавали все, что только можно. В общем, севастопольский форум являлся неотъемлемой частью жизни города, а его отключение было равносильно второму пришествию или началу Армагеддона. Доронин с улыбкой вспомнил, как недавно форум из-за переезда на другие сервера отключили аж на три дня... О-о-ой, что тут началось! Ну да ладно!

Новости были типовыми — продукты дорожают, земля возле моря продается и застраивается наливайками, водители ругали пешеходов, а пешеходы водителей и т. д. В общем, как любил выражаться Костик, «пора накрываться простынями и ползти в сторону Пятого километра»¹.

Хотя одна тема заинтересовала Андрея.

«Амнистия в дурдоме?» — замечательное название... Страниц было уже около десятка, стартопик гласил, что на автора напал бомж. Автор отбился, но бомж, от которого исходил отвратительный запах, все же умудрился грызнуть его за руку. Далее все вылилось в переливание из пустого в порожнее и флуд на тему «как страшно жить», а то и обвинения автора во «вбросе» и «самосливе» — автор темы уже минут тридцать как не отписывался.

Андрей кликнул курсором мыши по правому верхнему углу экрана, где располагался характерный для «форточки» крестик. Окно закрылось, и мужчина снова вернулся на кухню, чтобы, забросив чашку в мойку, выйти на балкон подышать свежeproкуренным воздухом.

---

¹ Пятый километр — пятый километр Балаклавского шоссе, на котором располагается самое большое городское кладбище.

«А красиво здесь все же!» — подумал бывший капитан Доронин, лениво глядя на море, которое окружало мыс с трех сторон. Солнце еще не начало припекать, и в воздухе сквозила прохлада. Район только-только просыпался — потихоньку выезжали на работу местные жители. Ну а те, кому не так повезло с собственным транспортом, занимались утренней зарядкой. А что? Говорят, спортивная ходьба даже полезнее, чем бег: колени не сорвешь, и толку для организма больше.

Сразу вспомнился анекдот.

Просыпаются в постели двое.

— Хорошо-то как, Маша!

— Я не Маша — я Миша!

— Один хрен — хорошо!

9.00. Гагаринское РО УМВД г. Севастополя

***Виктор Никитин, оперуполномоченный,
капитан милиции***

Рабочий день как продолжение веселой ночи тоже начался нескучно.

Не успел Виктор переступить порог дорогого и крайне любимого РО УМВД, как просто кожей ощутил царившую здесь суматоху — будто в другой мир попал. Даже в воздухе чувствовалась тревога, так же ощущаешь кожей заряженные ионы воздуха перед готовой разразиться грозой.

Телефон дежурного звенел мерзкой трелью, а эфир стоявшей на столе радиостанции был забит криками. Мимо, грохоча казенными ботинками, пробежали двое пэпсов. В «обезьяннике» уже находилось два гражданина неопрятной наружности — один отдыхал на лавке, а второй нервно расхаживал вдоль решетки, то и дело почесывая сальную бороду.

— Привет, Миха, что за переполох? — спросил Виктор, как только дежурный положил трубку от древнего, еще дискового аппарата.

— Здорово! Да дурдом какой-то! — Телефон опять зазвенел, и дежурный — капитан Миха Битковский — поднял трубку, а заодно и руку, махнув: «Подожди меня». — Але. Дежурный. Да... Хорошо. Сохраняйте спокойствие, сейчас вышлем к вам наряд. Диктуйте адрес. — Он торопливо записал адрес и обратный телефон в журнал вызовов и положил труб-

ку. Сейчас приходилось реагировать на каждый вызов — не дай бог, это не горожане звонят, а начальство проверяет. Тогда весело станет всем — анальная боль будет обеспечена каждому. Вот и приходилось реагировать на каждое происшествие на улице, вплоть до сигналов о распивающей на лавочках пиво молодежи. Виктор вспомнил, как один участковый, нынче с чистой совестью уволившийся из органов, рассказывал, как одна семейная пара, впавшая в дружный маразм, вызывала милицию после каждой попытки соседа снизу просверлить дырку в стене. А так как у соседа был ремонт в связи с покупкой квартиры, участковому приходилось чуть ли не через день мотаться в тот злосчастный дом. Дошло уже до того, что он обошел все три подъезда — один, в котором проживал «возмутитель спокойствия», и два соседних, чтобы от каждой квартиры взять заявление, что, мол, сосед ничем не мешает, а жалобщики — не вполне адекватные люди.

— Час назад вызовы посыпались как из прорванного мешка, уже нарядов не хватает, — объяснил Миха. — Пришлось некоторых оперов да участковых задействовать. А они все звонят и звонят... А помощник мой так и не вышел на смену. Забухал, наверное, скотина...А мне теперь отдуваться.

— Точно, весеннее обострение, — усмехнулся Виктор, скривившись от очередного звонка — ночью толком поспать не удалось. Обмывали с соседом ножки новорожденному сыну. Происходило все это с присущим нашим людям размахом и весельем, поэтому голова просто раскалывалась, а тут еще и резкий звук. — Слушай, а шеф на месте?

— Щас, погода. — Опять те же фразы и запись в журнале звонков. — Ага, рвет и мечет. Ему уже сверху звонили — грозили всеми карами небесными, если не наведет порядок в районе. А ты что хотел?

— Да отгул взять — нужно поехать кроватку купить, а то послезавтра жену из роддома забирать, а спать мелкому негде.

— Ну ты, брат, даешь! Что ж молчал, что папашей стал?

— Да когда тут расскажешь? — усмехнулся Виктор, разводя руки в стороны.

— Ну а малой на тебя хоть похож?

— А что?

— А то. Знаешь, как бабы говорят? Ребенок должен быть

похож не на папу, а на мужа! — заржал Миха, чуть ли не похрюкивая.

— Да ну тебя!

— Да ладно, не обижайся, — перестал смеяться дежурный. — Я ж так... не со зла. Ну так похож?

— Да я его толком-то и не видел. В палату меня не пустили — у меня ФЛЮ не сделано — некогда было, а из окна разве что-то разглядишь. Кулек какой-то...

— Ну ты, папаша, даешь! — хмыкнул Миха.

— Миха, так и хочется ответить тебе как по писаному...

— Ну-ка, ну-ка... — с интересом подался вперед Битковский, опираясь на согнутые в локтях руки.

— Приходит мужик домой после недельного отсутствия. Жена со злостью: «Ты где был?!» А мужик так сразу: «В кожно-венерологическом диспансере». Тетка в недоумении: «Ну ты даешь!» — а мужик ей отвечает: «Это ты даешь, а я лечусь».

— Да уж... Жизненно! — покачал головой Битковский, вздрагивая от очередного звонка.

— Ладно, пошел я к шефу за порцией причитающихся люлей, — махнул рукой собеседнику Никитин, разворачиваясь по направлению к коридору, ведущему к святой святых отделения — кабинету шефа и туалету, что располагался чуть дальше.

Подойдя к нужной двери, Никитин негромко постучал и сразу же зашел.

— Тащ полковник, разрешите?

Начальник РОУ МВД полковник милиции Смирнов, до сих пор довольно сдержанно, зато с характерной мимикой разговаривавший по телефону, устало махнул рукой, мол, присаживайся. Он всегда говорил: «Присаживайся, сесть всегда успеешь». Вот мозг по-другому уже жест и не воспринимал. Судя по всему, разговор происходил с вышестоящим начальством, которое чихвостило полковника — по-другому обычно начальство не умеет. Смирнов весь раскраснелся — видать, давление подскочило, — но своих позиций не сдавал, что-то пытался объяснить, хотя принципа «я — начальник, ты — дурак» еще никто не отменял.

Помнится, работала в отделении молодая лейтенантша — хулиганье всякое малолетнее курировала. Ольга девка была видная — высокая, ноги длинные и грудь пятого размера, а то

и шестого, а уж на язык бойкая — палец в рот не клади. Ну Смирнов вызвал Ольгу на разбор полетов — что-то там ее подпечный учудил — и давай матами крыть против шерсти. Девчонка молчала-молчала, а потом что-то ответила. Что — до сих пор осталось тайной, покрытой мраком. Сама не признавалась, а шефа-то особо не поспрашиваешь. Но Сергей Сергеевич в итоге дико заорал и выставил ее за дверь, а перед тем как филейная часть молодой лейтенантши скрылась в проеме двери, запустил в нее снятой с ноги туфлей. Девица не растерялась, молча подобрала начальственную туфлю сорок третьего размера и вышла из кабинета — шеф же так и остался сидеть с раскрытым ртом и босой ногой в порванном носке. Это уже Битковский рассказывал — ему вечно везет на веселые дежурства. Он потом бегал, упрасивал строптивницу вернуть туфельку ее законному обладателю.

К слову сказать, Олька потом уволилась. Сама. Замуж вышла и укатила к милому куда-то на Север.

Писала потом кому-то из дамочек местных, что устроилась работать в тамошний то ли институт, то ли университет секретарем ректора. А что? Стрессоустойчивость у нее после малолеток как у киборга, в случае чего грудью встанет на защиту начальства или же словом осадит непрошенных гостей. Местные женщины потом долго еще рассказывали, как Ольга осадилла какого-то мужичка, решившего покачать права. «Ну а что? — писала она. — Сидит, ждет своего времени. Я виновата, что ли, что он на полчаса раньше примчался? Сидел-сидел, и тут моча ему бросилась в голову — надменно так интересуется: «Вы мне ничего не хотите предложить?» Я ему предложила бы пройти по указанному адресу, но остановилась на предложении жениться на мне. Мужик шутку не заценил. Да я и не Петросян!» Как потом оказалось, ректор, не заимевший еще привычки швыряться в нерадивых подчиненных туфлями, только укоризненно покачал головой и проговорил: «Ольга, ну так же нельзя!» Разве что пальчиком не погрозил.

Полковник Смирнов был пятидесятилетним седым мужчиной с чисто буденновскими усищами и всегда гладко выбритым подбородком и предпочитал порядок во всем, что касалось работы. Невысокий, коренастый, с небольшим пузиком, выпирающим над брючным ремнем, он всегда пытал-

ся втянуть животик, как только в поле зрения появлялась более-менее симпатичная женщина, но в то же время мог вовремя вставить крепкое словцо, придавая ускорение или нужный вектор движения своим подчиненным.

— Придурок толстозадый! — в сердцах ругнулся Смирнов, как только бросил трубку, но потом вспомнил про Виктора. — Ты ничего не слышал! Чего пришел? Говори! Только быстро, потому как вызовов навалилось, а свободных людей практически не осталось.

— Да жена у меня родила сегодня ночью, Сергей Сергеич.

— Поздравляю. А кто отец?

— Шеф, очень смешно! — поднял брови Виктор. — Обожаться можно...

— Ладно тебе, Никитин, — примирительно улыбнулся полковник. — Что, даже пошутить нельзя? Ну родила жена, а я-то тут при чем? — задал он резонный вопрос, взяв со стола лист бумаги и приступив к внимательному чтению текста. Это было одно из качеств начальника — делать несколько дел одновременно, чтобы все успеть.

— Да мне бы отгул, жену навестить.

До этого красное лицо полковника, не успевшего окончательно отойти от выволочки начальства, сделалось и вовсе пунцовым. Приветливость и доброта слетели одним махом. Он рывком подскочил со стула, невольно смяв лист бумаги в руке, да как гаркнул:

— Какой, в крыскину норку, отгул, Никитин?! Ты че, охренел?! Ты видишь, что у нас творится?! Телефон у дежурного красный, как нос у алкабота, мужики все в поле, а еще только утро. На вокзале вообще непонятно какая хрень произошла. — Полковник только сейчас заметил, что лист превратился в смятое нечто, и начал его старательно расправлять, все еще продолжая ругаться, хотя уже и не так интенсивно. — А он — отгул! Какой, на хрен, отгул? Вали отсюда, капитан, пока я тебя на ноль не умножил!

Виктор встал и, скрипя от злости зубами, вышел из кабинета, громко хлопнув дверью. Оказавшись в коридоре, капитан Никитин сделал три глубоких вдоха и попытался успокоиться. «Ладно, если не получается в лоб, мы его на кривых объедем. Нормальные герои всегда идут в обход!» Виктор развернулся и пошагал обратно к дежурному узнать, что за

ахтунг такой творится, о котором шеф обмолвился между нелицеприятными эпитетами в адрес подчиненного. Практически подойдя ко входу в «аквариум», капитан услышал какую-то возню и крики — тонкий фальцет, звеневший на пределе ультразвука, и голос Миши, который крыл всех тринадцатизэтажными матюгами. Опер поспешил на шум. Оказалось, в «обезьяннике» потасовка. Один — седой дядька лет пятидесяти в дешевом костюме с оторванным рукавом — бросался на второго. И не просто бросался, а пытался уку-сать.

— Эй, а ну угомонись! — сквозь стекло кричал дежурный, но слова проходили мимо ушей дебошира. — Уймись, урод!

Второй же, классического вида бомж с нечесаной бородой и засаленными лохмами седых волос, орал, как павиан в брачный период, и пытался увернуться от нападавшего, прыгая из угла в угол в четырех квадратных метрах клетки.

— Мих, что опять? — дернул на себя дверь в дежурку капитан, заглядывая внутрь.

— Да я знаю?! — повернул голову к Виктору Мишка. — Этот лежал себе спокойно на лавке и никого не трогал — его сегодня утром доставили. А потом поднялся и начал кидаться на бомжа. Слышь, ты, я не знаю, что я сейчас с тобой сделаю! — ударил кулаком по столу оперативный дежурный и тут же скривился от боли — не подрассчитал слегка, и удар получился весьма болезненным.

Его терпение кончилось, потому как без помдежа, который не явился на службу (нового так и не назначили), приходилось трудновато, а тут еще и эти идиоты потасовку устроили. Битковский, схватив наручники, вышел из «аквариума», отстранив Виктора, практически дошел до решетчатых дверей и застыл как истукан, увидев, как умалишенный дядька в драном костюме загнал бомжа в угол и, схватив того за руку, смачно впился в нее зубами, абсолютно не обращая внимания на вонь, идущую от бомжа, и грязную одежду.

Бомж заорал во все горло — хоть на нем и была куча разномастных тряпок, но псих все же добрался до плоти — на куртке проступили кровавые пятна.

— Где ключи от «обезьянника»?! — гаркнул Виктор остолбеневшему с наручниками Битковскому.

— Черт! — плюнул в сердцах Миша и, буквально в два прыжка добравшись до дверей, ведущих в кабинет дежурно-

го, чуть не снес капитана, который двигался к клетке. В этой суматохе он просто забыл взять ключи, когда выбежал в холл.

А нападавший оттолкнул руку истерично орущего бомжа и, хватко вцепившись тому в плечи, уже грыз горло. Кровь так и брызнула фонтаном, щедро окрашивая в алый цвет пол и решетки «обезьянника» вместе с нападавшим и его жертвой. Помещение тут же наполнилось тяжелым запахом, как на скотобойне. Бомж уже перестал орать. Поскользнувшись в собственной крови, он свалился на пол и просто булькал, пока псих, весь измазанный в крови, с чавканьем глотал куски. Да-да... именно жрал — судорожные глотательные движения были видны очень четко. Виктор чуть не блеванул — всякого повидал на этой работе, но такого... Ком подступил к горлу, стало дурно.

Из кабинета выбежал Миха и остолбенел, мгновенно изменившись в лице.

— Т-твою налево! Че з-за хрень? — От перепуга капитан начал заикаться, испуганно таращась на кровавую картину и не находя сил отвести взгляд.

— Миха, бегом к Сергеичу, зови его. А я шас.

— Ага, — кивнул дежурный, выходя из ступора. — Только в туалет заскочу.

А ненормальный продолжал жрать бомжа, отрывая зубами плоть, будто бездомный пес. Все вокруг было в крови: видать, первым укусом повредил артерию, потому как фонтан бил изрядный.

Виктор отвел глаза от кровавого зрелища и, придерживаясь за стенку, отправился в свой кабинет, где в сейфе лежало его табельное оружие. Достав из древнего, еще советского несгораемого шкафа ПМ и магазин к нему, капитан тронулся обратно к «обезьяннику», встретив по пути мокрого Миху и рассерженного полковника.

— Тащ полковник, я вам честно говорю, — оправдывался капитан, проводя ладонью по мокрому лбу.

— Шас посмотрим! — гаркнул на него раздраженный Смирнов. — А ты, Никитин, тоже видел, как один задержанный жрет другого?

— Так точно. Так и стоит эта картина перед глазами. Да вы сейчас сами все увидите... Миха, ты че, мокрый? Дождь?

— Не... Ветер, черт...

Первое, что бросилось в глаза полковнику, — это то, что ненормальный больше не грыз бомжа — просто стоял, весь измазанный в кровище, уставившись своими глазюками в одну точку. Но как только начальник отделения в сопровождении дежурного и оперуполномоченного зашли в помещение, где располагался «обезьянник», окровавленный ненормальный оживился и попытался дотянуться до людей, протянув запачканные руки сквозь прутья. По полу уже растекалась лужа крови, соединяя воедино и без того огромное количество алых капель. Виктор присмотрелся к глазам психа — и снова почувствовал тошноту. Зрелище было столь отталкивающее, что кожа покрылась мурашками. Такое чувство, что глаза застлала мутная пелена, и теперь они стали блеклыми, будто обесцвеченными... безжизненными.

Бомжара, весь залитый кровью, словно алой краской, начал шевелиться. Сначала Виктору показалось, что рука дернулась, но потом подранок просто повернул голову, продемонстрировав изъеденную шею и половину лица, на котором сквозь висящие лохмотьями мимические мышцы были видны кости черепа и остатки гнилых коренных зубов.

Вот теперь Виктор не сдержался — упал на колени и опустошил желудок прямо на пол. Когда спазмы прошли, а испуганные вопли капитана-дежурного и полковника притихли, он поднялся, чуть качаясь, и вытер рот рукавом.

— Тащ полковник, что это за хрень?

— Я те че, Педивикия?

Нервы у начальника РО УМВД уже сдавали...

— Витек, надо их поближе осмотреть, — пробормотал зеленый на лицо Миха.

— Тебе надо — ты и смотри, а я ближе чем на шаг к нему не подойду...

Бомж начал медленно подниматься. Движения его были какими-то прерывистыми и нелепыми. Он, скорее, напоминал куклу на веревках у начинающего кукловода, чем человека.

Полковник Смирнов сделал несколько шагов вперед, но все же не подошел близко к решетке.

— У него же артерия перекушена... Вон, кровищи сколько. Как он может двигаться?

— Я же вам говорил — тот этого грыз за горло. А вы не верили...

— Тогда почему он двигается? — не унимался полковник, пристально рассматривая скалящегося человека в порванном окровавленном костюме. — Никитин, а ну иди сюда, ты уже опорожнил желудок...

Виктор подошел к Смирнову, и они вместе начали наблюдать, как искусанный бомж поднялся, и, вместе с другим задержанным медленно приблизившись к решетке, эти двое протянули в сторону людей руки и оскалились кровавыми ухмылками. Особенно жутко это получалось у бомжа, с его-то обглоданной рожой. У обоих оказались безумные белесые немигающие глаза, словно гипнотизирующие людей.

Из оцепенения всех вывели два ввалившихся в отделение пэпса, тащившие под руки, скрученные наручниками за спиной, вырывающегося мужика, измазанного чем-то непонятным. Протиснувшись мимо «вертушки», они предъявили задержанного с кляпом во рту.

— Вот, на людей бросался, грызнул нескольких. Пришлось спеленать.

— Надо бы его в «обезьянник» до установления личности. А то он какой-то неменяемый... Обкуренный, что ли?! Мы его обшмонали, но документов не нашли... травы тоже. — Сержант, одной рукой поддерживающий задержанного, а второй сжимающий свой «успокоитель», кивнул в сторону «обезьянника» и офигел. — Ни хрена себе у вас тут бойня! Ой, прошу прощения, тащ полковник.

— Ага. Кровищи, как будто кабана зарезали! — присвистнул второй.

— Тащ капитан, — обратился сержант с перебинтованной рукой к Михе. — Может, откроете?

— Ты че, охренел, сержант?! Ты видишь, что тут творится?! — заорал на того Миху, все еще зеленый, как молодая весенняя поросль.

— Ну а куда мне его деть? — растерялся пэпээсник.

— В задницу себе зануь!

— Капитан! — гаркнул полковник.

— Извините, тащ полковник.

Все это время задержанный сержантами сипел, дергался и, несмотря на заткнутый, измазанный рот, тянулся в сторону людей. Виктор скривился. Что там сержант говорил? Вро-

де этот успел нескольких человек цапнуть? Да и у самого сержанта рука перебинтована...

— А с рукой-то что? — задал вопрос Виктор.

— Да этот... — Пэпээсник со злостью замахнулся дубинкой, но вовремя передумал, перехватив взгляд начальника отделения. — Достал меня, когда его крутили. Пытался и Леху... но куртка спасла. Придунок обкуренный!

— Мы ему решили хавальник заштопать, чтобы со спины не напал. Че с ним делать-то? — поинтересовался второй пэпээсник Леха.

— Так, Битковский, а ну тащи из подсобки швабру! — скомандовал Смирнов.

— Чего? — не понял все еще не пришедший в себя дежурный.

— Того! Швабру! Самую обыкновенную!

Миха метнулся в святая святых местной уборщицы и приволок древнюю, тяжелую деревянную швабру.

— Сейчас аккуратно открываешь замок, а ты, Виктор, — полковник кивнул, — удерживаешь этих, пока сержанты не запихнут туда своего подопечного.

— А эти двое подопечного не сожрут? — засомневался Виктор, прекрасно запомнивший, как псих накинудся на бомжа и загрыз его.

— Ну вот мы и посмотрим, кто кого... Он ведь тоже кусаться пытается.

— Да. Но у него пасть замурована.

— Ниче. Руки ему освободить — вытащит. Ты заметил, что буркалы у него такие же, как и у тех двоих?

— Если честно, не обратил внимания, он же был рожей вниз.

— Ну ладно... давайте!

Миха только подошел к двери в клетку, как бомжара начал ковылять туда же, его притягивало, будто магнитом.

— Блин! Витя, отпихни-ка его!

Виктор перехватил поудобнее швабру и, просунув ее сквозь прутья, с силой пнул бомжару в грудь, сбив того с ног. Миха все время суетливо пытался открыть дверь, и, как только ему это удалось, сержанты впихнули туда своего задержанного.

— Эй, а руки ему раскрутить?! — воскликнул Виктор, вынув свое орудие и прислонив его к стене.

— Черт! Ну не лезть же за ним туда? Эй, а у этого борода-того что, горло кто-то разгрыз?!

Миха опять закрыл дверь и отскочил, от греха подальше. Все дружно уставились на задержанного, но ни бомжара, ни второй псих не обратили на него никакого внимания. Они даже и не думали на него кидаться и пытаться сожрать. Непонятно...

— Вывод — на своих они не бросаются... — пробормотал Смирнов, снова подойдя поближе к клетке.

— Кто — они? — выдохнул Миха.

— Ну эти... глазастые. Может, это бешенство? — вслух размышлял полковник, у которого не укладывалось в голове происходящее. С самого утра в отделение повалили бесконечные вызовы с жалобами на немотивированную агрессию, нападения на людей и попытки искушать их... На вокзале, судя по утренней сводке, вообще произошло какое-то ЧП... И с каждой минутой становилось все хуже и хуже — звонки просто валом валялись на дежурного. Дошло до того, что позвонили из Управы и отчихвостили его во все дыхательно-пихательные в связи с участвовавшими случаями нападений на людей на улице. Дескать, статистику всю испортят! Тыфу ты! Какая, на хрен, статистика, если тут такое...

Полковник в задумчивости сделал еще несколько шагов к «обезьяннику» и попытался получше рассмотреть странных задержанных, один из которых вопреки законам природы и разорванной артерии продолжал тянуть руки в сторону застывших милиционеров. Ненароком он подошел слишком близко, и бомжу удалось схватить его за рукав кителя. Смирнов, нервно отдернув руку, шарахнулся подальше от «обезьянника».

У Никитина в голове что-то стрельнуло — проскочила какая-то мысль, но толком сформулировать ее он не смог. Почему он сделал то, что сделал, капитан и сам не знал, не сумел бы объяснить это ни себе, ни кому-либо еще... Виктор что-то пробормотал, сбрасывая оцепенение, и, достав ПМ из наплечной кобуры, дважды выстрелил бомжу в грудь, прошив насквозь и отколов штукатурку на стене позади него.

Полковник громко матюгнулся и снова отскочил на добрый метр в сторону.

— Ты че, охренел, Никитин?! Да нас живьем потом прокуратура и эсбэшники¹ сожрут!

— Сергей Сергеич! — начал было Миха.

— Так, пошли-ка отсюда, — хлопнул по плечу пэпээсник Леха своего напарника.

— Сергей Сергеевич, я... — Виктор действительно не знал, что на него нашло. В голове тут же пролетели картинки дальнейших разборок с отделом внутренних расследований, суд, тюрьма... А самое паскудное, что только вчера родился сын. Черт!

— Дай сюда ствол, придурок! Под монастырь решил нас подвести? Хрен с ним, с бомжарой, — ты его лично прикопашь, а как мне патроны списывать?! Опять к барыгам обращаться, на поклон идти? — орал начальник, багровея лицом. Причиной крика послужило не столько самоуправство капитана, сколько реакция самого полковника на эту ситуацию — он просто испугался... Испугался, когда окровавленный бомж схватил его за рукав, испугался, услышав гулкие выстрелы. А так как он давно не испытывал страха, реакция его была объяснима.

Капитан глупо тарачился на свой собственный пистолет, который сжимал в руке, когда его внимание привлекло движение в «обезьяннике».

— Тащ полковник, смотрите, — хриплым голосом пробормотал Виктор, не веря своим глазам и ощущая какое-то благодатное облегчение, теплой волной разлившееся по телу. Он показывал дулом пистолета в сторону тянущего руки сквозь решетки бомжа. Два входных отверстия в груди абсолютно ему не мешали. А в том, что не промахнулся, Виктор был уверен на все сто процентов — дырки от пуль в одежде ясно различались на расстоянии двух метров, а осыпавшаяся штукатурка стены позади бомжа являлась ярким подтверждением точного попадания.

— Что за хрень? — завел старую пластинку Миха. — Я тут чуть в обморок не наложил!

На выстрелы из своих кабинетов повысовывались оставшиеся гражданские и работники бумажного фронта, занима-

---

¹ СБ — собственная безопасность.

ющиеся обеспечением рабочего процесса. Шутка ли — стрельба в помещении! Некоторые из них решили взглянуть, из-за чего весь сыр-бор, и теперь с лицами белее мела смотрели на кровавое побоище. Несмотря на достаточное количество народа, тишина стояла гробовая. И в этой тишине зазвонивший телефон показался раскатом грома — добрая половина присутствующих подпрыгнула на месте.

— Чего стоишь?! Иди, блин, принимай звонок! — Полковник достал носовой платок и вытер испарину со лба.

— Ага! — как китайский болванчик, кивнул головой Миха, стремглав бросившись на свое рабочее место.

— Радуйся, что промахнулся!

— Такого быть не может! Я ж в него две пули всадил! — не поверил своим глазам Виктор. — К тому же... вы же сами видите — у него артерия перекушена. Кровищи вон сколько вылилось... Он просто не может быть живым.

— Ага! А ты его решил окончательно... того.

— Товарищ полковник, да я...

— А ну-ка, дай! — Полковник Смирнов взял пистолет Макарова, вынул магазин, внимательно осмотрел патроны и, вставив магазин обратно, выстрелил бомжу в грудь. Тот только покачнулся, это легко объяснялось законами физики — но законы природы молчали, почему человек с перекушенной артерией и тремя пулями, прошившими грудь, продолжает жить.

— А вы в голову попробуйте, — выкрикнул кто-то из толпы.

— Точно! Я вон в кино видел...

— А у вас что, работы мало?! — отозвался на возглас начальник. — А ну живо по рабочим местам!

Толпа моментально рассосалась, будто ждала команды. Многие с облегчением покинули холл с окровавленным и залитым блевотиной полом.

— Вот советчики хреновы... — шипел себе в усы полковник. — Вы мне еще осиновый кол и чеснок принесите да экзорциста вызовите! — не сдержался Смирнов и рявкнул вдогонку, но совета послушался — бомж тряпичной куклой свалился на пол прямо под ноги мужику с кляпом, который лбом уперся в решетку, будто пытался ее продавить.

— Хрен знает что! Как-то надо бомжа этого по-тихому прикопать... Никитин, вот ты этим и займешься. Как будешь

улаживать этот вопрос — твои проблемы, но чтобы труп здесь к вечеру не было. Хоть жри его! Так! Этих не выпускать! Ближе не подходить! Битковский, специально для недоразвитых — глаз с этих двух не спускать!!! Не дай бог, провороните, я вам кой-че на кой-куда натяну и моргать заставлю!

Из «аквариума» вылетел Миха.

— Сергей Сергеич! Еще один вызов — на Бреста девчонка молодая заперлась в комнате, а к ней ломится ее собственный отец. Только, по ее словам, он какой-то не такой.

— Ты не спросил, какой он «не такой»?

— Она в истерике, — замотал головой дежурный. — Я еле-еле разобрал ее слова.

— Ладно, Никитин, живи пока, хватай Володина и Старина и дуй на вызов. Держи. И еще — вы двое, никому ни слова про бомжа... Хотя... какое тут! — Полковник отдал Виктору пистолет, а сам развернулся и, устало вздохнув, пошел в сторону своего кабинета.

9.00. Проспект Генерала Острякова

Катя и Степан Роговы

— Может, все же останешься? — Мужчина сложил выдвижную ручку огромного дорожного чемодана.

— Нет, я все решила! Я ухожу! Мама давно мне говорила, что ты не тот, кто мне нужен! — Девушка сверкнула умело накрашенными глазами, передавая взмахом наращенных ресниц все презрение к собеседнику. — Я достойна большего! А ты... Что ты мне можешь дать?! Поездку в Египет раз в год?

— Некоторые и туда ни разу не ездили, — пожал плечами Степан, отмечая свое невозмутимое спокойствие и удивляясь этому. Ведь рушилась вся его жизнь!

— Я не некоторые! — в негодовании сверкнула глазами красавица. — Вон у Наташки муж! Вот он настоящий мужчина! Наташку на руках носит! Золото ей покупает! На Бали ее свозил, в Мексику, про всякие Турции-Египты и не говорю. А ты? Перебиваешься с хлеба на воду да копейки считаешь!

— Ну не такие уж и копейки. На жизнь-то хватает, — попытался урезонить жену Степан. Хотя теперь уже, наверное, бывшую жену.

Когда они познакомились пять лет назад, Степан был работником в небольшой фирме, занимающейся установкой окон и дверей, а Катя училась в институте. Молодая и красивая двадцатилетняя девушка сразу же понравилась Степану, но она его долго не замечала — ведь вокруг и так хватало кавалеров. И более симпатичных, чем Степан, и более обеспеченных, которые если и приглашали на свидание, то не в парк, а в ресторан или в клуб. А клубы Степан не любил, да и денег лишних не было... Парень понимал, что если он что-то в своей жизни не поменяет, то ему не светит такая девушка, как Катя, — ей впору блистать на глянцевых страницах.

И Степан начал усиленно работать. Через год, на свое двадцатилетие, он уже сам себе стал хозяином — занял денег для стартового капитала и оформил предпринимательство. Постепенно благодаря трудолюбию и аккуратности Степана клиентская база разрослась, и материальное положение парня значительно улучшилось. Он оформил кредит и купил то, о чем так долго мечтал, — свой первый автомобиль. Хотя тачка и была не из салона, но все равно для Степана его «шевроле» стал символом новой эпохи, новой жизни, которая начиналась у парня. А тут еще и Катя согласилась на свидание, потом на еще одно, и даже пригласила Степана прийти на церемонию вручения диплома.

Конечно, на празднике Катя оказалась самой красивой, и Степану лестно было сознавать, что добился своего, ловить завистливые взгляды парней, которым Катя отказала. Еще через год Катя и Степан сыграли пышную свадьбу. Они могли пожениться и раньше, но молодая невеста хотела самую красивую свадьбу — чтобы и с лимузинами, и с прогулкой на яхте вдоль побережья ЮБК, и с банкетом в самом дорогом и престижном ресторане. В общем, так, чтобы все подружки обзавидовались черной завистью. Степану же для любимой ничего не было жалко — попроси та звезду с неба, парень и ее бы достал.

Свадьба была сыграна, пышное белое платье убрано в шкаф на длительное хранение, свадебные фото выставлены на странице одной из социальных сетей. Началась семейная жизнь.

Из размышлений парня вывел голос любимой.

— Только на своей работе и пропадаешь, а мне приходится одной, как дура, с подружками по клубам ходить, — завелась Катя, искренне жалея себя за то, что так промахнулась с выбором мужа. Нужно было все же соглашаться на предложение бросить этого олуха Степана, оставить ребенка и выйти замуж за Виталика. Так нет же... сомневалась. Вот дура! А Виталька сейчас помощник мэра города, ездит на новеньком «лексусе» и ни в чем себе не отказывает. Это еще больше злило девушку, которая всю свою обиду вымещала на муже.

Степан хотел детей, минимум двух. А то и трех. Мечтал о дружной и большой семье. Катя же пока не планировала обременять себя обязанностями по воспитанию потомства. Она хотела пожить в свое удовольствие, для себя, как пишут в женских журналах. К тому же беременность нещадно портит фигуру, а от кормления отвисает грудь, становится похожей на уши спаниеля. И когда через полгода после свадьбы девушка обнаружила, что беременна, да еще и не от мужа, она без колебаний решила на аборт. А Степан винил и корил себя. Если бы он согласился отдать жене авто, чтобы той не приходилось ездить на маршрутках, тогда бы не произошло того, о чем он будет жалеть всю жизнь. Резкое торможение автобуса и травма живота, что привело к выкидышу, — так сказала Катина мама, когда Степан примчался из командировки, не успев даже доехать до места назначения. Светлана Валерьевна даже не захотела сразу впускать зятя в квартиру, стояла на пороге, держала оборону, точно Брестская крепость на пути немецко-фашистских захватчиков... Степан просил впустить его, чтобы он мог увидеть жену, обнять, утешить... Но теща была непреклонна. Мужчина использовал все свое красноречие, стараясь разжалобить железное сердце Катинной мамы, и оно поддалось.

Любимая, ненаглядная Катя была такая бледная и заплаканная, что Степан тут же отдал ей ключи от своего «шевроле». Чего не сделаешь ради дорогого человека?

— А если бы ты сделал это раньше, когда я просила, то и ребеночек наш был бы жив, — плакала навзрыд Катя, теребя тонкими пальчиками с ухоженными ноготками брелок с эмблемой.

Это казалось таким далеким прошлым...

— Ты мне такси вызвал?! — прервала она обвинения, оглядываясь — ничего ли не забыла из своих вещей.

— Да, вот-вот должно подъехать, — тихо ответил парень, отмечая, что обручальное кольцо больше не украшает пальчик жены. Бывшей...

— Я же просила к девяти, а ты как всегда... Вот ты такой! На тебя нельзя положиться!

— Катя, может, хватит?

— Действительно, хватит воздух сотрясать... — пожалла плечиками Катя. — Ну где там твое такси?

Степан пожал плечами, и тут в его руке завибрировал мобильник.

— Судя по всему, уже у подъезда.

— Ну наконец-то! Давай, пока!

— Пока...

Катя взялась за ручку чемодана и тут же ойкнула — чуть ноготь не сломала!

— Может, поможешь мне чемодан донести до машины? — И она улыбнулась Степану как раньше, той самой улыбкой, от которой сердце начинало биться чаще, рискуя выпрыгнуть из груди.

Парень хотел было согласиться, чтобы хоть на минуту дольше побыть с женой, но все же сказал:

— Нет!

— Ну да, оставлять девушку наедине с тяжеленным чемоданом — это так по-мужски, — ехидно заметила Катя, стараясь не показать своего удивления. Ведь она привыкла, что Степан делал все, что она говорила, понимая ее чуть ли не с полувзгляда. А тут — нет. Тоже мне! Устроил восстание Спартака!

— Ну учитывая, что все в этом чемодане куплено на те самые гроши, что я зарабатывал, он должен быть невесомым, — ответил Степан и закрыл за женой дверь, как бы разделив свою жизнь чертой на две части.

Степан сразу решил, что напиться не будет, хоть и хотелось забыться в алкогольном угаре, а еще больше хотелось уйти из этого дома. Ведь все здесь напоминало о Кате, именно она выбирала эту квартиру — чтобы недалеко от центра и транспортная развязка...

Парень порылся в своих вещах и выудил оттуда давно по-

забытые джинсы и кожаную куртку, которые не носил со дня свадьбы — Кате не нравился такой стиль. Ей нравилось, чтобы супруги выглядели под стать друг другу, чтобы сочеталась одежда, чтобы они смотрелись рядом. Степан переоделся и мельком глянул на себя в зеркало. Оттуда смотрел широкоплечий (спасибо занятиям на перекладине во дворе!) тридцатилетний мужчина с взлохмаченными волосами и усталыми, красными от бессонной ночи глазами (спасибо дорогой жене). Погода в последнее время стояла теплая, поэтому замерзнуть он не боялся.

Обув дорогие фирменные кроссовки, парень вышел из дома.

Куда идти, Степан еще толком и не знал. На душе было так паршиво, что раздумывать о выборе маршрута и вовсе не хотелось.

— А, будь что будет! — пробормотал он и пошел в сторону остановки — благо дом стоял сразу за ней, и плутать дворами не пришлось. — Какой троллейбус подъедет первым — на том и уеду.

— Вы что-то сказали, молодой человек, — гнусаво проговорил стоящий рядом старичок.

— Нет, вам показалось, — покачал головой парень.

Троллейбуса не было довольно долго. Степан даже начал поглядывать в сторону маршруток, но тут наконец-то показался рогатый ископаемый с номером «двенадцать» на стекле.

«Ну что ж... едем на Приморский бульвар...»

Погода была отличная — солнце, несмотря на то что на дворе стоял только март, жарило почти по-летнему. Так что через некоторое время Степан даже расстегнул молнию куртки. В воздухе витал пьянящий аромат цветущих деревьев. Рано пришедшая весна одела город в цветущие наряды — снежно-белая алыча, нежно-розовые миндаль и абрикос... солнечно-желтые кусты форзиции цветными пятнами разбавляли серые, по-зимнему унылые улицы. Все еще холодное, несмотря на солнечную погоду, серое море сливалось с безоблачным небом. Хотя вдалеке на горизонте все же проявлялись едва заметные белеющие кучевые облака, предвещающие дождь, а то и снег — погода в Севастополе всегда была непредсказуема. Среди горожан даже ходила такая по-

говорка: «Погода меняется или раз в три дня, или три раза в день». Случалось и такое, что в одном районе города шел ливень, а в соседнем светило яркое солнце — чудеса, да и только. Но жители к этому привыкли и ничему не удивлялись.

На Приморском бульваре с утра было немногочленно — и мужчина вздохнул спокойно. Меньше всего ему сейчас хотелось оказаться среди людей. Нужно было разобраться в себе, а для этого побыть наедине с самим собой, собраться с мыслями, попытаться их упорядочить и понять, как жить дальше.

Над морем, испуская пронзительные крики, парили белоснежные чайки, а на фонарях, которые вечером освещали путь прогуливающимся парочкам, сидели голуби. Эти наглые птицы при виде единственной упавшей крошечки хлеба или семечки срывались со своих мест и со скоростью истребителей люфтваффе пикировали к месту, где их ожидало пиршество. Даже страшно становилось, когда вся стая проносилась в нескольких сантиметрах от тебя, казалось, что птицы хотят вцепиться в волосы и выклевать глаза.

Еще не начался сезон, когда центр города заполняется толпами «отдыхантов» вперемешку с зазывалами на катерные прогулки, которые горланят в свои рупоры как полоумные и кидаются прямо на людей, а то и хватают их за руки. Эти граждане, орущие с утра до вечера один и тот же текст, так надоедали местным жителям, что на СевИнфо — городском форуме — то и дело предлагали запретить их под страхом смертной казни, а также раздавали ценные указания, как пооригинальнее их послать, дабы зазывалы прониклись и отвалили. Но городская власть думала иначе, ибо наверняка имела свой гешефт. Действительно, кому интересны многочисленные памятники и достопримечательности Севастополя? Ведь туристы сюда ехали, чтобы полчаса покататься на старом тарахтящем катерке, рискующем в любой миг пойти под воду, аки печально известный линкор «Новороссийск», да сфотографироваться с облезлыми павлинами или голубями на последнем издыхании, ну и конечно же прикупить пару китайских однотипных сувениров. Куда же без них?

Степан медленно прошелся по набережной Корнилова до Артбухты и повернул обратно, в сторону памятника Затопленным кораблям. Как ни странно, о Кате он не думал — как

будто какой-то мысленный блок стоял, не дающий лезть в голову неприятным мыслям.

На глаза парню попался маленький тощий щенок неопределенного цвета породы «кабыздох». Он жался к картонной коробке, что заменяла мусорное ведро возле ларька с хот-догами. Степан глянул на щенка и вдруг подумал, что сам сейчас похож на такого же брошенного всеми ненужного бобика с грустными глазами. Разве что блох у парня не было. Не раздумывая, мужчина подошел к будочке, где скучала молодая девушка, сразу оживившаяся при появлении покупателя.

— Девушка, мне один с двойной сосиской. Без майонеза и кетчупа.

— Это вы для песика? — улыбнулась девчонка, живо укладывая теплые колбаски в булку.

— Ага. Вот, держите. — Степан протянул десятку в окошко и взял сверток, источающий приятный аромат. «Надо же, никогда бы не подумал, что хот-дог может так аппетитно пахнуть!»

Щенок заметно оживился и даже пару раз нерешительно вильнул хвостом, не решаясь подойти. Мало ли что сделает этот человек, вдруг ногой пнет! Странные двуногие без шерсти на морде и лапах, но с разноцветными шубками на телах, для начавшего свою жизнь в старой картонной коробке щенка делились на два типа. Первый — обычно это были щенки этих двуногих. Шумные, бегающие, они всегда приятно пахли молоком или другими вкусностями, которыми с охотой делились, стоило только приветственно повилить хвостом. Помимо щенков попадались и взрослые двуногие, которые могли потрепать пса за ухом или выбрать из ушей клещей, впившихся в нежную кожу. Таких песик любил. Но были и другие. Те больно пинались и грозились пустить щенка «на мыло». Что такое «на мыло», щенок не понимал, но от таких двуногих старался держаться подальше и поскорее куда-нибудь прятался.

Степан присел на корточки, разделил сосиску и кинул один кусочек «кабыздоху». Кусочек был моментально съеден, а кредит доверия выдан. Песик мелкими шажками подбежал к мужчине и с огромным аппетитом уплел все угощение.

— Ладно, парень, бывай здоров. — Степан вытер руки о салфетку, врученную в комплекте с хот-догом, и направился

дальше, свернув у дельфинария к морю. Настроение слегка улучшилось — уже и чайки не раздражали своими криками, и торопливо проходящие прохожие не вызывали недовольства. Степан прошел мимо Института биологии южных морей, в здании которого находится Аквариум, и уже подходил к развилке на набережной, где если пойти вправо — можно выйти к городскому центральному фонтану, а влево — прогуляться вдоль моря. Степан решил все же пройтись по берегу, наслаждаясь шумом бьющихся о прибрежные камни и плиты набережной волн.

Отвесная стена справа становилась все выше и выше. И вдруг мужчина услышал звонкое тьяканье. Степан оглянулся — в паре метров от него стоял тот самый щенок и голосисто лаял на кого-то, кто находился на верхней площадке. Парень сделал шаг назад, когда краем глаза заметил чей-то падающий силуэт. Он даже не сразу понял, что это человек, но, как только испуг прошел, и мыслить логически стало проще, Степан развернулся к поднимающемуся:

— С вами все в порядке? Эй!

Мужчина, свалившийся с двухметровой высоты, даже не отряхнулся, а молча, неуклюже поднялся и встал как ни в чем не бывало.

— Вам помочь? — не унимался Степан, заметивший кровь на руке и одежде, а «кабыздох» залаял еще сильнее, и парень мог поклясться, что в лае пса сквозила истерика по полам со страхом. И тут Степан понял, почему — упавший мужик поднял лицо, и его взгляд, точнее, глаза заставили кровь в жилах мужчины заледенеть, да и кожа у незнакомца была словно восковая — бледная, а черты лица оплывшие... Степан не знал, как точнее объяснить происходящее. Наверное, так и должна выглядеть смерть — именно такой взгляд должен быть у нее. Упавший не мигая посмотрел своими белесыми бельмами и медленно поплелся в сторону остолбеневшего Степана, издавая какой-то скулеж.

Из ступора парня вывела все та же дворняжка, которая уже даже не лаяла, а просто жалобно визжала, прижимаясь к земле корпусом с четко выступающими сквозь кожу ребрами, но почему-то не убегала. Когда странного мужика от Степана стало отделять меньше метра, тот раззявил рот, будто хотел укусить парня.